

ПРОЦЕСС ВКЛЮЧЕНИЯ РУССКИХ КНЯЗЕЙ В СОСТАВ ЭЛИТЫ ОРДЫ В 1240–1260-х ГОДАХ

Ю. В. Селезнёв

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 11 декабря 2010 г.

Аннотация: в статье рассматривается процесс оформления зависимости Руси от Орды и первый этап пребывания русских князей при дворе ордынского хана.

Ключевые слова: Русь, Орда, монголо-татарское иго, хан, элита, Александр Невский, Даниил Галицкий, Михаил Черниговский, Батый.

Abstract: there is a formalization process of Russian dependences from the Horde and the first stage of Russian princes staying at a court yard of Horde's khan considered in the article.

Key words: Russia, Horde, mongolo-tatar yoke, khan, elite, Alexander Nevsky, Daniil Galitsky, Michail Chernigovsky, Batu.

Ордынское государство на протяжении XIII–XV столетий оказывало значительное влияние на политические, общественные, экономические процессы в восточно-европейском регионе.

Русские княжества оказались непосредственно вовлечены в сферу политического влияния Джучиева Улуса. Несмотря на то, что, по замечанию Н. М. Карамзина «Ханы желали единственно быть нашими господами издали, не вмешивались въ дела гражданскія, требовали только серебра и повиновения от Князей» [1, стб. 216], верховным правителем Руси стал считаться именно ордынский властитель. Тот же Н. М. Карамзин подчеркивает, что «Государя наши торжественно отреклись отъ правъ народа независимаго и склонили выю подъ иго варваровъ» [2, стб. 22]. Этот факт позволил И. Н. Данилевскому сделать вполне закономерный вывод: признание русскими князьями сюзеренитета хана «...по своему значению для дальнейшей истории Северо-Восточной, а затем и Северо-Западной Руси имело едва ли не большее значение, чем само монгольское нашествие. Впервые князю было пожаловано право представлять интересы Орды в русских землях» [3, с. 207]. При этом, как заметил А. Г. Вернадский, «ни один русский князь не имел права управлять своей землей без необходимого ярлыка на власть от хана» [4, с. 352]. Данная практика распространялась, как справедливо отметил Б. Д. Греков, не только на великих, но и на удельных князей [5, с. 220].

Данное положение дел, по наблюдениям А. А. Горского, не оспаривалось на протяжении второй половины XIII–XIV в., «не подвергалось

сомнению ни политическими деятелями, ни деятелями общественной мысли» [6, с. 137].

Последствия такого состояния оцениваются по-разному. К примеру, А. И. Филюшкин полагает, что в результате «русский феодализм утратил аристократизм, стремление к независимости и суверенитету личности, приобрел, по мнению многих исследователей, «службистский» менталитет»... Именно здесь лежат корни деспотизма московских царей» [7, с. 231].

Ч. Гальперин, напротив, подчеркивает, что «...русские князья и знать разделяли с татарами чувство аристократического воинственного рыцарства» [8, с. 146], что подразумевает совпадение представлений русской и ордынской элиты о собственном статусе.

И в том и в другом случаях исследователями подразумевается значительное влияние ордынских ментальных установок на русских князей. Обуславливается это воздействием необходимостью получения и подтверждения (посредством личной явки в ставку «царя») прав на княжества при смене хана [9, с. 54], а также длительным пребыванием владетельных князей при дворе ордынского хана, во время которого они усваивали принципы ордынской политической культуры.

Показательным и определяющим здесь оказывается мнение А. Н. Насонова, который обратил особое внимание на стиль управления княжеством московского князя Ивана Даниловича: «характерно, что великокняжеская деятельность Калиты проходила частью в пути в Орду или из Орды, частью в самой Орде: так, он ездил в Орду в 1331–1332, 1333–1334, 1336, 1338 (?), 1339 годах. Так как на поездку в Орду (туда – Волгой, вниз по течению, а обратно – сухим

путем) тратили, как можно заключить из слов летописи, минимально 6 месяцев, то, следовательно, Калита половину, вернее – большую часть своего княжения (на великокняжеском столе) провел в Орде или на пути в Орду и из Орды» [10, с. 160].

Вслед за А. Н. Насоновым подобные наблюдения приводит и Д. Островски: «На протяжении семи лет с 1332 по 1339 г. летописи сообщают, что Иван Калита совершил пять поездок в Сарай... великий князь Семен ездил в Сарай по меньшей мере пять раз между 1340 и 1350 гг. Под 1340 и 1354 гг. летописи сообщают, что «все князья Руссии были тогда во Орде»» [11, с. 146].

Специально посвятившая свое исследование пребыванию русских людей, в том числе и князей [12, с. 8–18], в Орде М. Д. Полубояринова также со ссылкой на А. Н. Насонова отмечает: «постоянно, судя по летописям, русские князья проводили в Орде один-два года (не менее полугода занимала дорога). Очень часто хан вызывал к себе княжеских сыновей, которых задерживал еще дольше. Иногда сами князья посылали в Орду сыновей, чтобы они защищали их интересы при дворе хана» [12, с. 13].

Таким образом, исследователи, отмечая включенность русских князей в политическую систему Орды, вовлеченность их в функционирование элиты Джучиева Улуса, значительность влияния данных процессов на менталитет правителей и соответственно на последствия для развития Руси, различные способы усвоения политической культуры подробно не рассматривали. В частности, лишь в общих чертах отмечен стиль управления княжествами в условиях иноземного владычества, когда значительное время отнимала поездка ко двору хана и пребывания в его ставке в ожидании аудиенции и его милости. Данные наблюдения, сделанные А. Н. Насоновым только в отношении Ивана Калиты, стали во многом основополагающими при решении различных проблем взаимоотношений русских князей с ордынской властью. Надо отметить, что далекоидущие выводы А. Н. Насонова, основанные при этом только на одном примере Ивана Калиты, являются исключительно умозрительными в силу отсутствия сравнительного анализа материала летописных источников. Не меняют дела и наблюдения Д. Островски в отношении Симеона Гордого.

Кроме того, время оформления вассальных отношений между Русью и Ордой имеет некоторые особенности и в отношениях элит данных стран. В первую очередь необходимо подчеркнуть, что процесс установления так называемого

монголо-татарского «ига» не был одномоментным. В первую очередь завоеватели должны были добиться официального признания (де-факто и де-юре) их победы и власти от князей поверженных земель. В частности в Новгородской первой летописи отмечается, что в 1242 г. «князь Ярославъ Всеволодиць позван цесаремъ Татарьскимъ, и иде в Татары къ Батыеву, воеводе татарьску» [13, с. 297]. По мнению Д. Г. Хрусталёва, приглашение было направлено «из ставки великого каана, то есть, возможно, еще Угедеем. Однако Ярослав поехал к Батыю, а в Каракорум послал сына Константина» [14, с. 262]. Однако с таким выводом исследователя трудно согласиться. Ведь время вызова Ярослава в степь четко совпадает именно с возвращением Батыя из западного похода. В то же время немаловажны другие выводы Д. Г. Хрусталёва. Во-первых, исследователь отмечает, что «мирные отношения с Северо-Восточной Русью монголы собирались установить по собственной инициативе и на разных уровнях». И, во-вторых, «уже при первых контактах суздальских князей с монгольскими ханами они оказались включенными в сложную внутривосточную игру евразийского масштаба» [14, с. 262–263].

Параллельно под 1242 г. Новгородская IV летопись фиксирует поездку в Орду сына Ярослава Всеволодовича Александра: «Иде Александръ къ царю Батыю»; и рязанского князя Олега Ингваревича Красного в Каракорум: «къ Канови иде» [15, с. 37].

Большинство исследователей полагает, что князь Олег Рязанский был в Орде задержан на десять лет и освобожден только в 1252 г. [10, с. 96]. Основанием для подобного вывода является упоминание в летописных сводах о том, что «Того же лѣта (1252. – Ю. С.). Пустиша Татарове Олга Рязаньского в свою землю» [16, стб. 473]. Однако других примеров того, что монголо-татары или ханы Орды задерживали иноземных правителей более чем на три года, в источниках не встречается. Потому здесь вероятно мы наблюдаем фиксацию источниками двух разных поездок Олега Ингваревича в ставки монгольских правителей. Причем в данном случае можно предполагать, что рязанский князь получил вызов действительно от монгольского каана, вероятно, Угедая. Надо полагать, что через полтора года он вернулся на Русь, получив инвеституру из рук верховного правителя степной империи и тем самым определенные иммунитетные права по отношению как к владимирскому князю, так и к хану Джучиева Улуса.

Не исключено, что подобный вызов получил и князь Ярослав Владимирский. Но он предпочел оформить вассальные отношения с Батыем, для чего отправил для предварительных переговоров своего сына – Александра.

Так или иначе известно, что в 1243 г. Ярослав Всеволодович, владимирский князь, получает инвеституру из рук Батыя, старейшинство и Киев как столицу Руси. Таким образом, фактическим распорядителем русских земель становится ордынский хан.

В следующем, 1244 г. к Батыю едут князья Владимир Константинович Углицкий, Борис Василькович Ростовский и Василий Всеволодович Ярославский. По мнению Д. Г. Хрусталёва, на поклон к ордынскому хану их направил князь Ярослав как верховный правитель Руси [16, стб. 263]. Однако оговорки летописца о том, что князья «поехаша в Татары к Батыеву про свою отчину» и что хан «расудивъ имъ когождо в свою отчину» [16, стб. 470], могут свидетельствовать скорее об обратном. Князь Ярослав, получив главенство на Руси, начал властно осуществлять свои полномочия и, в первую очередь, в пределах Владимирского княжества, к которому относился Ростовский удел и его части. Именно тогда князья решили также получить ярлыки на свои владения у Батыя, выйдя тем самым из-под юрисдикции владимирского князя и подчиняясь напрямую более высокому по статусу правителю. Данное решение представителей ростовского княжеского дома приводит к тому, что, по мнению ряда исследователей, во второй половине XIII в. они «превратились в настоящих «служебников» хана» [10, с. 256–257].

Тем не менее необходимо признать верным вывод В. В. Каргалова о том, что «полного единения в Северо-Восточной Руси по этому вопросу (проблема признания власти Орды. – Ю. С.) не было» [17, с. 136]. И тем более такого единения не наблюдалось по всей Руси. В частности, южнорусские князья и прежде всего крупнейшие политические фигуры – черниговский князь Михаил Всеволодович и галицкий князь Даниил – не проявляли на протяжении 1242–1245 гг. никакой активности в отношении завоевателей.

Как отметил В. В. Каргалов, наличие неоднозначной позиции в отношении взаимоотношений с Ордой «во многом определяло политику великого владимирского князя. Эта политика в первое десятилетие после нашествия Батыя была двойственной». Принципиален тот факт, что «большая часть Северо-Восточной Руси была опустошена нашествием и уже не имела

сил для открытого сопротивления завоевателям, что делало неизбежным признание, хотя бы формальное, зависимости от золотоордынских ханов». Другим фактором, влиявшим на политику Ярослава, по мнению В. В. Каргалова, было то обстоятельство, «что добровольное признание власти ордынского хана обеспечивало лично великому князю определенные преимущества в борьбе за подчинение своему влиянию других русских князей. В случае же отказа Ярослава Всеволодовича явиться в Орду великокняжеский стол мог при поддержке Батыя перейти к другому, более сговорчивому князю». При этом «существование сильной оппозиции ордынской власти в Северо-Западной Руси и неоднократные обещания западной дипломатией военной помощи против монголо-татар могли пробуждать надежду при определенных условиях противостоять притязаниям завоевателей...». Далее В. В. Каргалов приходит к справедливому выводу: «все это привело к тому, что великие владимирские князья после формального признания власти золотоордынских ханов пытались выступить против монголо-татарского владычества, и факт признания этой власти еще не означал в действительности установления над страной иноземного ига». Таким образом, вполне закономерно заключение исследователя о том, что «первое десятилетие после нашествия является периодом, когда иноземное иго еще только оформлялось, и в стране побеждали силы, поддерживавшие татарское владычество» [17, с. 137].

Дальнейший этап включения Руси в систему монгольского владычества и государственности следует связать с 1245 г. Тогда на Русь из Каракорума вернулся Константин Ярославич (сын владимирского князя), а в ставку Батыя отправилась представительная делегация, состоявшая из Ярослава Киевского и Владимирского, его братьев Святослава и Ивана, князей ростовского дома: Владимира Углицкого, Бориса Ростовского и Василия Ярославского, т.е. практически все князья Северо-Восточной Руси отправились в степь. Кроме того, именно в 1245 г. в Орду был вызван Даниил Романович Галицкий и, по всей вероятности, Михаил Всеволодович Черниговский.

Данные факты свидетельствуют о масштабности событий, и необходимо согласиться с мнением Д. Г. Хрусталёва, который отмечает, что «эта поездка (поездка в Орду русских князей в 1245 г. – Ю. С.) не была рядовой. Завершался некий этап переговорного процесса, в который был включен весь административный аппарат как Владимиро-Суздальской Руси, так и Монгольской империи» [14, с. 264].

Можно предполагать, что вызов всех князей в ставку Батыя был связан с каким-либо общерусским (или общеимперским) мероприятием. Показательно, что именно к этому времени автор «Повести об убиении Михаила Черниговского» и Плано Карпини относят перепись населения на Руси. Причем, если упоминание у папского легата явно относится к южнорусским княжествам, то в «Повести...» указание носит общерусский характер («а мало от тех изоставахся (бежавших от татарского вторжения. — Ю. С.), тех же... осадилша в градах, и исчетоша а в число, и начаша на них дань имати татарове») [18, с. 156]. Традиционно, вслед за Б. Д. Грековым и А. Н. Насоновым, данная перепись связывается только с южнорусскими княжествами [5, с. 218; 10, с. 85]. Однако необходимо отметить, что перепись 1245 г. могла носить общерусский характер. В этом случае именно к 1245 г. необходимо отнести установление основных атрибутов зависимости Руси от Орды — *получение ярлыка на княжение у хана и регулирование налоговых выплат (дани, «выхода»)*.

Ордынские властители хотели видеть русскую аристократию в составе элиты своего государства. Об этом свидетельствует соответствие в русской письменной традиции титулов русской и ордынской аристократии [19, с. 12–22], а также слова Плано Карпини, который утверждает, что во время приемов и заседаний в ханском шатре ему и Великому князю Владимирскому Ярославу монголы «всегда давали высшее место» [20, с. 75].

В то же время пребывание в Орде князей-лидеров — Ярослава Владимирского, Михаила Черниговского и Даниила Галицкого — завершилось по-разному. Если галицкому князю удалось избежать языческого обряда очищения огнем и получить ярлык на княжение, оформив тем самым вассальные отношения с Сараем, то Михаил Всеволодович был казнен [21, с. 138–154] за отказ поклониться ордынскому идолу. Данная казнь способствовала резкому вовлечению распавшегося на уделы Черниговского княжества в сферу влияния ордынской государственности.

Ярослав Всеволодович был отправлен Батыем в Каракорум, где участвовал в курултае, на котором кааном был провозглашен сын Угедая Гуюк. У последнего были устойчивые противоречия с Бату-ханом. Однако до открытой вражды дело пока не дошло. Именно с данным конфликтом в историографии связывают смерть Ярослава по пути из Монголии (умер, «ида от Кановичь»). В частности, А. Н. Насонов предполагал, что его отравили именно как сторонни-

ка хана Батыя [10, с. 96–97 ; 17, с. 138]. Об отравлении свидетельствует папский легат Плано Карпини, отмечая, что Ярослава отравила «ханьша», чтобы «свободнее и окончательнее завладеть его землею» [20, с. 77].

Таким образом, князь, одним из первых оформивший вассальные отношения с Ордой и Монгольской империей, дважды ездил в ставку завоевателей, проведя около 11 % времени от лет княжения на владимирском столе (18) и чуть более 3,5 % от лет жизни. Во временном выражении это составило около двух лет. Он оказался первым русским князем, умершим по дороге из степи. Причем он единственный князь, свидетельства об отравлении которого по приказу монгольских правителей, достаточно достоверны.

Как отметил В. В. Каргалов, «гибель великого князя Ярослава значительно усложнила обстановку в Северо-Восточной Руси» [17, с. 139].

Первоначально владимирский стол занял следующий по старшинству Всеволодович — Святослав, «а сыновци свои посади по городом, якоже бе имъ отец оурядилъ Ярославъ» [16, стб. 471]. Однако в 1247 г. «Поеха Андрей князь Ярославич в Татары к Батыеву и Александр князь поеха по брате же к Батыеву» [16, стб. 471]. Ордынский хан «почтивъ ею и послыя г Каневичем» [16, стб. 471]. Таким образом, Бату переложил груз ответственности за решение судьбы русских княжеств на общеимперское правительство.

В конце 1249 г. (зимой 1249–1250 гг.) князь-Ярославичи вернулись на Русь. Решение имперского правительства было следующим: «приказаша Александрови Киевъ и всю Русскую землю, а Андреи седе в Володимери на столе» [16, стб. 472]. В историографии сложилось мнение, которое емко и четко обозначил В. В. Каргалов: «Решение великого хана отдать владимирский стол Андрею Ярославичу в обход его старшего брата послужило в дальнейшем источником больших осложнений» [17, с. 140; 22, с. 48]. Как отметил В. Л. Егоров, «возник конфликт о соподчиненности киевского и владимирского князей» [22, с. 50; 23, с. 52].

По мнению В. В. Каргалова, сконцентрировавшего представления исследователей (подробный обзор мнений см.: [24, с. 267–269]) о русской политике в отношении Орды на рубеже 1240–1250-х гг., к этому времени на Руси сложилась антитатарская коалиция. Ее составили сильнейшие князья того времени Андрей Владимирский и его тесть Даниил Галицкий. При этом, «готовясь к открытой борьбе с татарами, великий князь Андрей Ярославич мог опереть-

ся прежде всего на северо-западные русские земли, которые не подверглись татарскому погрому и не попали еще в орбиту ордынской политики». Кроме того, на «стороне Андрея активно выступил тверской князь Ярослав Ярославич (его «княгиня» и дети находились под Переяславлем)» [17, с. 141–142].

Однако А. А. Горский полагает, что основой для выводов о противоречии между князьями – старшими Ярославичами стала некритично воспринятая догадка В. Н. Татищева о жалобе Александра на брата. В соответствии с этим суждением события 1252 г. следует рассматривать не как инициативу Александра Невского, а как запланированную акцию «хана в рамках действий против не подчинившихся ему князей» [25, с. 71–72].

Как известно, летом 1252 г. великий князь владимирский Андрей Ярославич был смещен со своего престола волей хана Орды Батыя. Могущественный сарайский правитель для осуществления этой цели направил на Северо-Восточную Русь карательный отряд во главе с эмиром Неврюем. Место владимирского князя занял его старший брат Александр, получивший в книжной традиции прозвище «Невский».

Здесь необходимо отметить, что единственными русскими князьями, получившими инвеституру в Каракоруме, являлись на тот момент Александр и Андрей Ярославичи. Именно они обязаны были явиться в ставку правителя, который занимался делами «Русского улуса». С большой долей вероятности можно предполагать, что функции управления русскими землями были переданы Менгу-кааном своему надежному союзнику и завоевателю Руси Батыю. Именно к нему в 1252 г. и отправляется Александр Невский. Вероятно, его поездка была напрямую связана с необходимостью подтверждения своих владетельных прав, хотя источники этого не фиксируют. Бату-хан подтвердил ярлык 1249 г. «давшее ему старейшинство во всей братии его».

Андрей Ярославич не предстал перед ордынским троном. Как отмечено в Лаврентьевской летописи, «здума ... с своими бояры бзгати не жели цесарем служити» [16, стб. 473]. Именно после этого Батый, не дождавшись приезда Андрея, посылает на Русь военную экспедицию, результатом которой становится изгнание князя в «неведому землю». Александр же после этих событий получает ярлык и на Владимирское княжество, объединяя тем самым общерусский киевский стол с владимирским [26, с. 29; 27, с. 95; 28, с. 190–191].

Таким образом, князь Александр Невский действовал в полном соответствии с ордынской

политической практикой. Смена каана Монгольской империи требовала подтверждения инвеституры от принявших ранее власть в Каракоруме. Сообщение В. Н. Татищева о жалобе и «лести» Александра в отношении своего брата Андрея можно считать умозаключением самого исследователя.

Летом 1252 г. ордынские войска во главе с эмиром Неврюем вторглись в пределы Северо-Восточной Руси. Минувя Владимир, они направились к Переяславлю, где «постигоша» Андрея с его войсками. В результате столкновения князь потерпел поражения и бежал, сначала в Новгород, а затем в Швецию. «Неврюева рать» razорила Переяславль и Переяславское княжество и вернулась в степь. А чуть позже на Русь вернулся уехавший в ставку Батыя перед походом татар Александр Невский. Князь «церкви въдвиже, град исполни, люди разбегшая собра в дома своя» [29, с. 305] и «бысть радость велика в граде Володимери и во всей земли Суждольской» [16, стб. 473].

С деятельностью великого князя Александра Ярославича традиционно связывается следующий этап вовлечения Руси в орбиту монгольской государственности. Это перепись населения, осуществленная в 1257–1259 гг. при непосредственном участии владимирского князя. Проходила она в рамках общеимперских мероприятий по упорядочиванию налоговой системы. В частности, в 1252 г. была проведена перепись завоеванных монголами земель Китая, а в 1254 г. – Армении. Наибольшего противодействия намерения ордынских чиновников встретили в Новгороде, который не был завоеван монголами. Тем не менее волнения в новгородской земле были подавлены и в 1259 г. перепись русского населения была завершена. Как подчеркнул В. В. Каргалов, «в событиях переписи 1257–1259 гг. в Новгороде наблюдается картина тесного сотрудничества великокняжеской администрации и лично великого князя Александра Ярославича с татарскими «послами» и «численцами»» [17, с. 153].

С проведением переписных мероприятий тесно связано введение на Руси баскаческой организации. В частности, А. Н. Насонов видит подтверждение наличия данной организации как военно-политической в «десятниках», «сотниках», «тысячниках» и «темниках», которые вместе с численниками пришли на Русь и являлись лицами командного состава из «собственно монголов и татар» [10, с. 87]. Однако В. В. Каргалов привел доводы в пользу того, что «аргументы А. Н. Насонова в лучшем случае допускают двойственное толкование и не обо-

сновывают в достаточной степени тезис о существовании в Северо-Восточной Руси «военно-политической организации» монгольских феодалов» [17, с. 157].

Тем не менее сами баскаки на Руси присутствуют. Их функции В. В. Каргалов определяет как представителей хана, «которые только контролировали деятельность русских князей и доносили хану в случае неповиновения» [17, с. 159]. Этот вывод исследователя перекликается со словами Б. Д. Грекова о том, что контроль над русскими князьями «осуществляли баскаки» [5, с. 220].

Сбор дани в пользу ордынского хана основывался на откупной системе, которая всегда являлась основой для многочисленных злоупотреблений. Именно против данных нарушений («велику пагубу людемъ творяхуъ, работяще резы многы, души крыстьянскыя раздно ведоша»; «творяше хритьяном велику досаду» [16, стб. 476]) и было вызвано восстание в русских городах (Ростов, Владимир, Суздаль, Ярославль [16, стб. 476]) в 1262 г. Сборщики дани были вырезаны. Эти события традиционно считаются одним из первых антиордынских народных восстаний [10, с. 107–109; 17, с. 157; 30, с. 162].

Тогда же, в 1262 г., в Орду отправляется и великий князь Александр. По мнению Дж. Феннела, ему «ничего не оставалось, как отправиться в Золотую Орду». Однако удалось ли избавить Русь от карательной экспедиции, не известно из-за молчания источников [31, с. 161]. Здесь необходимо согласиться со словами Р. А. Романова, подчеркнувшего, что представляется «уместным отметить, что, в данном случае, молчание красноречивей любых слов. Ибо вряд ли летописи могли не сообщить о карательной экспедиции» [24, с. 273].

Большинство же исследователей, вслед за А. Н. Насоновым и В. А. Кучкиным, полагают, что восставшим удалось сыграть на противоречиях между Сараем и Каракорумом: в Орде смотрели «сквозь пальцы» на восстание против имперских откупщиков дани [10, с. 107–108; 32, с. 29].

Поэтому поездка Александра Невского в Орду в 1262 г. связывается с намерением князя избавить, или как отмечает «Житие Александра Невского», «отмолить» [33, с. 368] русских людей от рекрутского набора (так полагают, например, Ю. К. Бегунов, В. Л. Егоров, А. Н. Кирпичников, Ю. В. Кривошеев, В. А. Кучкин [34, с. 44; 22, с. 59; 23, с. 55–56; 35, с. 118; 36, с. 30; 37, с. 198; 32, с. 29]).

Таким образом, источники фиксируют еще один признак зависимости – участие русских

войск в военных мероприятиях Орды. Причем именно Александру Невскому удастся смягчить данную повинность: после его поездки 1262–1263 гг. в войнах сарайских ханов участвуют не мобилизованные в русских княжествах рекруты, а княжеские дружины.

По дороге из Орды князь Александр Ярославич умирает.

Таким образом, он побывал в Орде пять раз, проведя в степи четыре года, что составило около 40 % (самый большой результат для XIII в.) от времени его удельного правления (6 лет – 3 поездки), 13,5 % от великого княжения (11 лет – 2 поездки) и около 9 % от лет его жизни (43).

За рассмотренный период первых двух десятилетий установления системы зависимости от Орды русские князья совершили в Орду 34 поездки. Зафиксировано пребывание при ордынском престоле 18 князей.

По одному разу в Орде были: Андрей Мстиславич (княжич киевский или черниговский), Владимир Константинович Углицкий (за ярлыком на свое княжество), Даниил Романович Галицкий (за ярлыком на свое княжество), Дмитрий Святославич Юрьев-Польский (сопровождал отца), Иван Всеволодович Стародубский (за ярлыком на свое княжество), Константин Ярославич (ездил в Каракорум по поручению отца), Михаил Всеволодович Черниговский (казнен в Орде).

Дважды зафиксированы поездки: Василия Всеволодовича Ярославского, Олега Ингваревича Рязанского, Святослава Всеволодовича Суздальского, Ярослава Всеволодовича Владимирского. Также дважды для данного времени побывал в Орде Глеб Василькович Белозерский (всего – пять раз).

По пять раз в степи побывали братья Ярославичи – Александр (Невский) и Андрей. Последний провел при ордынском дворе два с половиной года, что составило около 6 % от лет его жизни (40) и около 14 % от лет его княжения на уделе. Показательно, что, несмотря на свое вооруженное сопротивление ордынским войскам во время «Неврюевой рати», его поездки в Орду фиксируются в 1257 г. и 1258 г.

Наибольшее количество поездок для рассматриваемого времени совершил Борис Василькович Ростовский. Зафиксировано семь его поездок (всего за жизнь – восемь).

Наиболее длительное пребывание в степи для данного периода – четыре года – зафиксировано у Александра Невского, а также у Бориса Васильковича Ростовского и его брата Глеба Васильковича Белозерского. Правда, в их слу-

чае – это общая сумма по итогам всех поездок, последние из которых были совершены ими в 1270-х гг.

Источники фиксируют в данный период казнь в Орде двух князей.

Таким образом, в исследуемое время были заложены основы взаимодействия русских князей с ордынскими ханами. При этом русская аристократия была включена в состав элиты Джучиева Улуса, получила в иерархической системе ордынского государства четкое место, права и обязанности. Кроме того, русская знать стала подсудной верховному правителю Орды: именно он стал вправе казнить или миловать князя. Были заложены и основные принципы управления княжествами в период отсутствия князя и его пребывания при дворе хана. Периодическое присутствие в ставке властителя Джучиева Улуса стало нормой политической культуры Руси XIII столетия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карамзин Н. М. История государства российского / Н. М. Карамзин. – СПб., 1842. – Т. 5.
2. Карамзин Н. М. История государства российского / Н. М. Карамзин. – СПб., 1842. – Т. 4.
3. Данилевский И. Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.) : курс лекций / И. Н. Данилевский. – М., 2001.
4. Вернадский В. Г. Монголы и Русь / В. Г. Вернадский. – Тверь ; М., 1997.
5. Греков Б. Д. Золотая Орда и ее падение / Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. – М. ; Л., 1950.
6. Горский А. А. «Всего еси исполнена земля русская...» : личности и ментальности русского Средневековья / А. А. Горский. – М., 2001.
7. Филюшкин А. И. Заочный «круглый стол» «От Орды к России» / А. И. Филюшкин // *Ab Imperio*. – 2002. – № 1. – С. 231.
8. Гальперин Ч. Идеология молчания : предвзятость и прагматизм на средневековой религиозной границе / Ч. Гальперин // *Амер. русистика : веки историограф. послед. лет. Период Киевской и Московской Руси : антология*. – Самара, 2001. – С. 65–97.
9. Фёдоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды / Г. А. Фёдоров-Давыдов. – М., 1973.
10. Насонов А. Н. Монголы и Русь / А. Н. Насонов // *Арабески истории*. – М., 1994. – Вып. 3–4, т. 1 : Русский разлив.
11. Островски Д. Монгольские корни русских государственных учреждений / Д. Островски // *Амер. русистика : веки историограф. послед. лет. Период Киевской и Московской Руси : антология*. – Самара, 2001. – С. 143–171.
12. Полубояринова М. Д. Русские люди в Золотой Орде / М. Д. Полубояринова. – М., 1978.
13. ПСРЛ. Т. III. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – М., 2000.
14. Хрусталёв Д. Г. Русь : от нашествия до «ига» (30–40 гг. XIII в.) / Д. Г. Хрусталёв. – СПб., 2004.
15. ПСРЛ. Т. IV. Новгородские и Псковские летописи. – СПб., 1848.
16. ПСРЛ. Т. I, вып. 2–3.
17. Каргалов В. В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси : феодальная Русь и кочевники / В. В. Каргалов. – М., 1967.
18. «Сказание об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Федора» // *Библиотека литературы Древней Руси*. – СПб., 2000. – Т. 5. – С. 156–162.
19. Амеликин А. О. Нашествие Батыя и установление ордынского ига в общественном сознании Руси XIII–XVII вв. / А. О. Амеликин, Ю. В. Селезнёв. – Воронеж, 2004.
20. Путешествия в восточные страны Платона Карпини и Рубрика. – М., 1957.
21. Горский А. А. Гибель Михаила Черниговского в контексте первых контактов русских князей с Ордой / А. А. Горский // *Средневековая Русь* / отв. ред. А. А. Горский. – М., 2006. – Вып. 6.
22. Егоров В. Л. Александр Невский и Золотая Орда / В. Л. Егоров // *Александр Невский и история России* / В. Л. Егоров. – Новгород, 1996. – С. 42–63.
23. Егоров В. Л. Александр Невский и Чингизиды / В. Л. Егоров // *Отечественная история*. – 1997. – № 2. – С. 48–58.
24. Соколов Р. А. Александр Невский : панорама новейших мнений / Р. А. Соколов // Н. А. Клепинин. Святой благоверный и великий князь Александр Невский. – СПб., 2004. – С. 252–281.
25. Горский А. А. Два «неудобных» факта из биографии Александра Невского / А. А. Горский // *Александр Невский и история России*. – Новгород, 1996. – С. 64–74.
26. Горский А. А. Русские земли в XIII–XIV вв. Пути политического развития / А. А. Горский. – М., 1996.
27. Ставиский В. И. «Киевское княжение» в политике Золотой Орды (первая четверть XIV в.) / В. И. Ставиский // *Внешняя политика Древней Руси (тезисы докладов)*. – М., 1988. – С. 95–100.
28. Толочко А. П. Князь в Древней Руси : власть, собственность, идеология / А. П. Толочко. – Киев, 1991.
29. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – М. ; Л., 1950.
30. Каргалов В. В. Русь и кочевники / В. В. Каргалов. – М., 2004.
31. Феннел Дж. Кризис средневековой Руси. 1200–1304 / Дж. Феннел. – М., 1989.
32. Кучкин В. А. Александр Невский – государственный деятель и полководец средневековой

Руси / В. А. Кучкин // Отечественная история. – 1996. – № 5. – С. 18–33.

33. Житие Александра Невского // Библиотека литературы Древней Руси. – СПб., 2000. – Т. 5. – С. 358–368.

34. Бегунов Ю. К. Александр Невский и современность / Ю. К. Бегунов // Князь Александр Невский. – СПб., 1995.

35. Кирпичников А. Н. Александр Невский : между Западом и Востоком / А. Н. Кирпичников // Вопросы истории. – 1996. – № 11–12.

36. Кирпичников А. Н. Две великих битвы Александра Невского / А. Н. Кирпичников // Александр Невский и история России. – Новгород, 1996.

37. Кривошеев Ю. В. Русь и монголы. Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV вв. – СПб., 1999.

Воронежский государственный университет

*Селезнёв Ю. В., кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории России*

E-mail: ovs@box.vsi.ru

Тел. : 8(473) 224-75-14

Voronezh State University

*Seleznyov Y. V., Candidate of the Historical
Sciences, Associate Professor of the Russian History
Department*

E-mail: ovs@box.vsi.ru

Tel. : 8(473) 224-75-14